

Вырезка из газеты

ВОЛЖСКАЯ
КОММУНА

г. Куйбышев

11.1 DEK 1980

Недавно Куйбышевский театр юного зрителя ставил спектакль о Великой Отечественной войне. Актеры, игравшие солдат, «обживали» автоматы, сделанные, естественно, из дерева. Тот, кто наблюдал это, мог заметить: актеры брали с особой охотой те «автоматы», что делал старший художник-декоратор театра Евгений Иосифович Иванов. А он стоял в сторонке и с улыбкой ждал, когда же артисты «наиграются» этими бутафорскими изделиями...

Актеры искали правду поведения в спектакле. Но эту правду помог им найти своим трудом, своим творчеством человек, которого никогда не видят зрители на сцене. Они видят только его искусство. Да и то вряд ли всегда отдадут ему должное — ведь предметы, сделанные им, кажутся юным зрителям подлинными.

Впрочем, дети великолепно знают, что такое декорация. Помнится прием, который они оказали спектаклю «Снежная королева». Когда открылся занавес, они встретили аплодисментами «настоящий» ледяной дворец. По-зимнему холодно и тускло выглядели глыбы льда, из которых он был сложен, лишь кое-где поблескивая под лучами юпитеров. Это была сказка и вместе с тем реальность, правда, красивая и увлекательная...

Иванов долго искал эту холодную красоту... Искал ее воплощение в материале. Если присмотреться, то ничего особенного: каркас из проволоки, стеклопластик, кое-где обыкновенная марля или тюль. Но в том-то и искусство бутафора, что он точно знает, как все это будет выглядеть со сцены под лучами осветительной аппаратуры, как заиграет этот стеклопластик, как потускнеет лед от марлевых деталей, как будет выглядеть замок на обыкновенном провололочном каркасе.

Но этого было мало. С внешне видом замка должен гармонировать и интерьер — его внутреннее оформление. Решили взять за основу холодный блеск ледяного хрусталя. А в центре замка — обрывающаяся в спектакле по ходу сценического действия фигура рыцаря, сделанного из белой жести...

Жесть... Он не жестяник, с этим материалом прежде дела не имел. Долгоне получался у Иванова рыцарь — постановщики уже беспоко-

ились... Но, как это часто бывает у художников, все было сделано за два дня... И как сделано! С каким мастерством, с какой любовью!

Именно — с любовью. Пожалуй, это самое точное слово, когда говоришь о работе Евгения Иванова. Он любит театр, его маленького зрителя. Любит сам процесс рождения спектакля. Потому-то

макетчика в поделочном цехе в тюзе. И хотя Иванов много потерял в зарплате, решил поступить сюда. Здесь ему было интересно, видимо, сказались давние детские впечатления от сказочного, увлекательного зрелища. Может быть, если б его пригласили в какой-либо другой театр, он не согласился бы. Но в этот...

ТЕАТР

СОГРЕТО ЛЮБОВЬЮ...

он может часами просиживать в кабинете или мастерской художника, следить за тем, как появляются эскизы, макеты, рисунки костюмов.

А ведь в детстве он не мог и предположить, что будет работать в театре. Мечтал стать строителем, с тем и пришел в техникум. Нет, строителем он не стал — подвело зрение. Его перевели на отделение бухгалтерского учета. По этой специальности и начал свою трудовую жизнь далеко от Куйбышева, на строительстве Братской ГЭС.

Но случилась беда — после тушения пожара и без того плохое зрение Иванова ухудшилось, и ему посоветовали возвращаться домой, в Куйбышев, где сильно школа окулистов, да и специальные очки тогда там легче было изготовить.

И вот приходилось начинать все сначала. И он пошел в ученики к столарю.

...А потом узнал, что оказалась вакантной должность

Иванов и сейчас не может равнодушно смотреть на детские искрящиеся глазенки, на раскрытые от удивления рты, на смех и слезы в зрительном зале. Дети! Кто лучше, кто непосредственнее реагирует на то, что происходит на сцене! Нет, он не очень согласен с тем, что для детей нужно играть лучше, чем для взрослых, да и на практике так не бывает. Но искреннее, правдивее — это точно.

Может быть, поэтому и пришла ему в голову мысль организовать у себя в цехе выставку своих работ, выставку театральной бутафории. Пусть ребята посмотрят на нее не из зрительного зала, а вблизи, пусть поймут: все, что они видят на сцене, — результат человеческого труда, который творит любое волшебство, любое чудо.

И он начал оставлять от каждого спектакля какой-то предмет для выставок.

Дети начали приходить. Сначала это был зрительский актив, а потом и все, кто

пожелал. Иванов рассказывал не только о том, как сделан тот или иной экспонат, но и почему он так сделан. Как приходится многие часы проводить в библиотеках в поисках описаний предмета, как потом необходимо «увидеть» этот предмет со сцены — так ли он будет смотреться: ведь увидеть вблизи и издали — не одно и то же.

Потом выставка появилась в Куйбышевском Доме актера. Уже не только дети, но и взрослые приходят полюбоваться искусством театрального умельца, подлинного мастера своего дела.

А ему есть что показать. Шли годы. Приходили и уходили актеры, сменялись режиссеры, а он работал, искал, находил. Вместе с художниками оформлял такие спектакли, как «Димка-невидимка» и «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», «Итальянская трагедия» и «Приключения Буратино», «Музыка на одиннадцатом этаже» и «Доктор Айболит», «В дороге» и «Золушка»... Пьесы о реальной жизни и сказки перемешались, чередовались, требовали нового подхода, новых поисков и решений.

Он учился всю жизнь: охотно делился с ним своим опытом Константин Андреевич Семенов из драматического театра, ездил Иванов и на курсы повышения квалификации в Москву, присматривался к изделиям искусников «Мосфильма». Но никогда не возникало у него желания что-либо повторить. Восхищаясь чужой работой, присматриваясь к ней, он думал о том, как бы сделал это сам. Наверное, это качество — искать, искать и искать позволяет говорить о нем как о самобытном мастере.

Говорят, Иванова не раз приглашали в другие театры. Но он однолюб. И не потому, что Куйбышевский тюз лучше других. Нет. Просто он стал для Иванова неотъемлемой частью его творчества, смыслом его жизни. Здесь он нашел себя, свое призвание, своего зрителя, неповторимого и прекрасного. И хотя зрители эти на каждом спектакле разные, они одинаковы в главном — в своей непосредственности, своей причастности ко всему, что видят и слышат на сцене. Такого зрителя нельзя не любить.

С. ТАБАЧНИКОВ.

Фото А. Кунушкина.